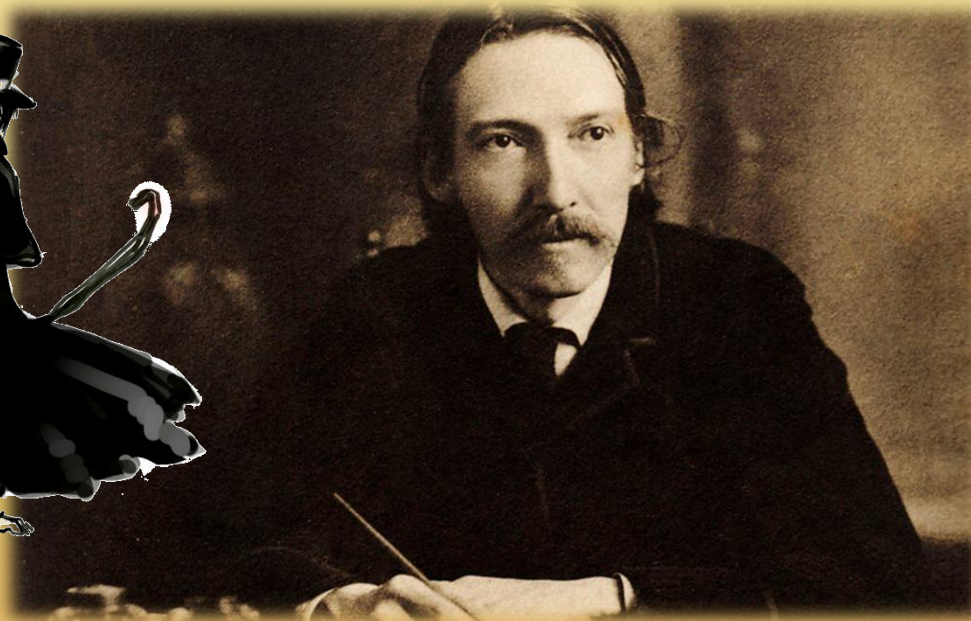


РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН

1856 - 1894



«Не дай, господи, чтобы человек устал творить добро, отчаялся в своих стремлениях, не получив награды, или произнес слово жалобы. Для веры достаточно того, что все сущее стонет из-за своей бренности и все же стремится вперед с необоримым постоянством; быть не может, чтобы эти усилия остались втуне!».

Роберт Льюис Бэлфур Стивенсон родился в Эдинбурге 13 ноября 1850 года в семье морского инженера. С деда-прадеда Стивенсоны были строителями маяков и изобретателями. Главным делом жизни Томаса Стивенсона, отца будущего писателя, было строительство маяка Скерривор.



Ранние годы будущего писателя прошли под неусыпным надзором трех человек: матери, отца и няни.

Роберт Льюис был единственным ребенком в семье. Начиная с двух лет, он беспрерывно хворал. В детстве из-за слабых легких он почти не вставал с постели – неделями, а иногда и месяцами задыхался и надрывно кашлял.

У него развился туберкулез, и он никогда не чувствовал себя вполне здоровым даже на тихоокеанских островах.



«Что именно влекло человека – не имело значения, раз его влекло к чему-то, одно это почиталось греховным. Все естественное было дурно. Духовенство лишило людей отдыха, развлечений, зрелищ, игр и охоты, подавило всякое веселье, запретило самые невинные наслаждения, прекратило все празднества, закрыло доступ к удовольствиям и погрузило страну в уныние и мрак... Дух превыше плоти! Люди стали тревожными, грустными, замкнутыми; это проявлялось в их каждодневных поступках и даже в самом их облике. Лица их были угрюмы, глаза опущены долу. Не только их взгляды и мнения, но даже поступь, манера держать себя, голос, весь внешний вид изменились под воздействием той смертоносной заразы, которая в зародыше губила искренние и пылкие движения души» (Генри Томас Бокль, «История цивилизации в Англии»).



Это обвинительный приговор целому столетию шотландской истории.

Роберт Льюис Стивенсон был шотландцем по самой своей глубинной сути, и нельзя не сказать о трагической роли религии в жизни Шотландии и самого писателя.

Пуританизм был там куда сильнее, чем в Англии, держался дольше, глубже проник в умы.



Ко времени детства и отрочества Стивенсона общественные нравы заметно смягчились. Но религиозная дисциплина все еще была очень строгой, особенно для детей: и, едва научившись говорить, Роберт Льюис Стивенсон почувствовал это, чему в первую очередь способствовали его отец, Томас Стивенсон, мать Маргарет и няня, Элисон Каннинггэм (Камми).

При всем возможном и даже очевидном вреде, который причинила его характеру эта тройная опека – без нее он бы просто умер, особенно в Эдинбурге, отличавшемся суровым климатом.

Мать Роберта Льюиса с 1851 года до самой смерти вела дневник, тетради которого так полны Луисом, его поступками и словами, что в них месяц за месяцем отразилась вся его жизнь.



Родительской привязанности не уступала и любовь няни. Элисон Каннингэм еще более рьяно, чем Томас Стивенсон, следовала догматам кальвинизма. По ее собственным словам, когда Луис был еще совсем крошкой, она – страшно подумать! – три или четыре раза читала ему библию от начала до конца, а также заставляла его учить «Краткий катехизис».



*«...Вторая мать, моя подруга,
Ангел, хранивший от недуга...»*

«Я испытывал невыразимый ужас перед адом, – рассказывал Стивенсон, – внушенный мне, я думаю, моей доброй няней; особенно меня терзали страхи в грозовые ночи...»

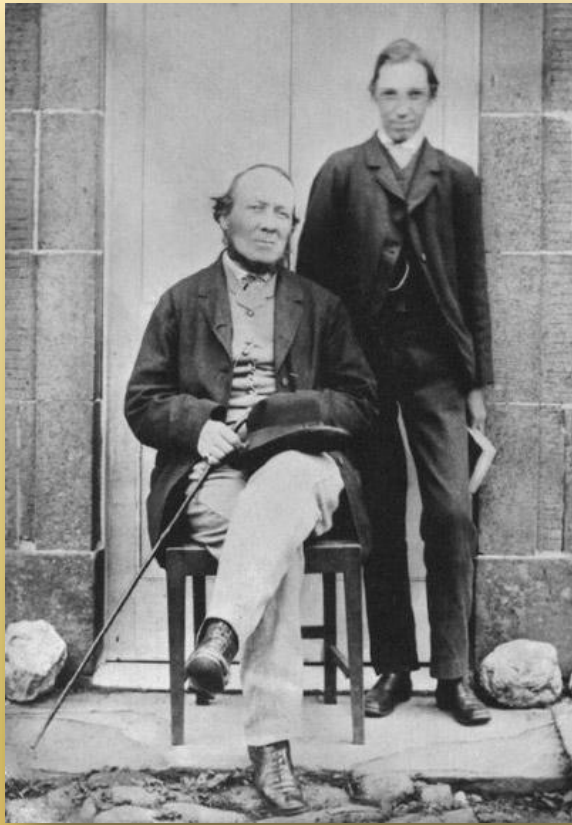
Основным отдыхом от христианских легенд и книг для Роберта Льюиса были рассказы о привидениях, грошовые романы «ужасов» и бессвязные, но оттого не менее страшные фантазии отца. Нечего удивляться, что ребенку снились кошмары.

Мальчик, воспитанный в таком окружении, должен был или опуститься до того же уровня, или, вооружившись сарказмом, восстать. Стивенсон, повзрослев, взбунтовался. Его бунт и даже прямое неверие вызывали бесконечные и очень мучительные ссоры с отцом.

Но какой смертный, с самого нежного возраста день за днем, год за годом испытывая воздействие столь ядовитой и фанатической сектантской обработки, мог бы совершенно избежать ее влияния?

Всю последующую жизнь из-под многочисленных масок Стивенсона – будь то маска «эльфа» или эмигранта-любителя, маска ведущего богемную жизнь инвалида или «землевладельца», устраивающего молитвенные собрания на Самоа, – всегда выглядывал неистребимый шотландский кальвинист.





Пытаясь найти климат поздоровее, родители возили сына по стране и на континент.

В 1857 году ребенка отдали в школу «Кэнон Миллз», имевшую репутацию лучшего учебного заведения для новичков. В самом младшем классе «маленький Стивенсон» сразу стал «мишенью для насмешек из-за своего чудного вида». Что именно «чудного» было во внешности мальчика, осталось неизвестным, но его очень скоро забрали из школы.

В том же самом году его послали в школу Хендерсона на Индия-стрит, и опять всего на несколько недель. Трудно сказать, почему его оттуда забрали – из-за жестокой желудочной лихорадки или не менее жестоких насмешек товарищей.

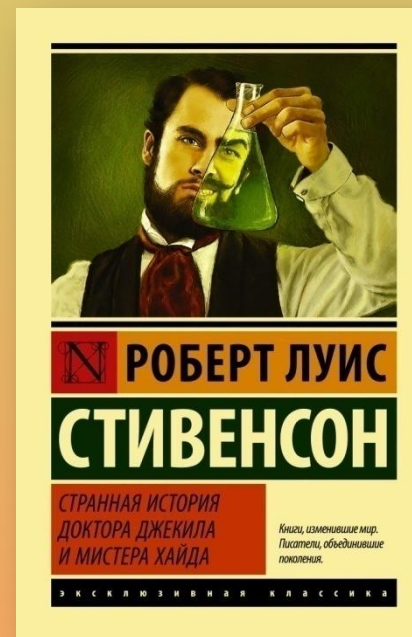
В следующий раз Роберта Льюиса отдали в школу лишь два года спустя, в октябре 1859 года.

Видимо, у него были домашние учителя, так как в восемь лет он обнаружил, что «любит читать», а к 1861 году настолько продвинулся в науках, что смог проучиться два года в частном учебном заведении – так называемой Эдинбургской академии.

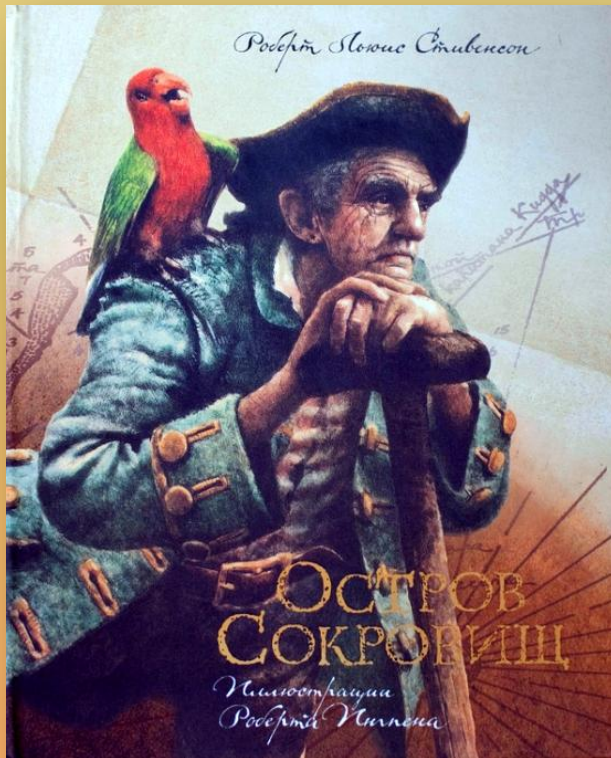
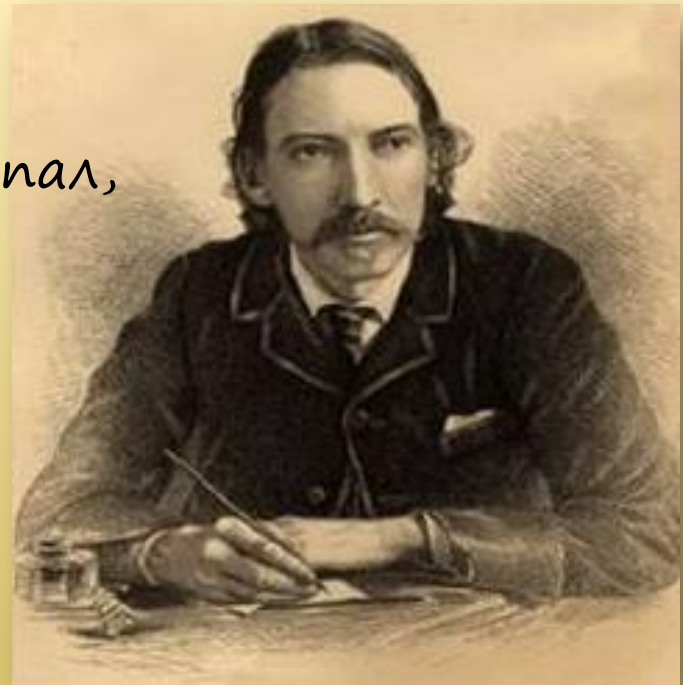
Годам к тринадцати здоровье Стивенсона окрепло, но его школьное обучение по-прежнему было несистематическим и не давало существенных плодов. Осенью 1863 года мальчика отправили в Англию в закрытую школу. Написанное им оттуда письмо кончалось следующей припиской, предназначенной отцу: «Дорогой папа, ты просил сказать тебе, когда мне будет плохо. Я неважно себя чувствую и хочу домой. Пожалуйста, возьми меня отсюда».

Лишенный из-за болезни общения со сверстниками, мальчик придумал развлечение: тайком сочинял себе вторую жизнь, в которой совершал подвиги и пускался в рискованные приключения.

«У меня с двенадцати лет в кармане всегда две книжки, – признался он как-то Фэнни. – Одну я читаю, другую – пишу».



«...И вот откуда дождь на крышу сыпал
Из ожиданья, как из сундука,
Вдруг буквой «I» костыль у Флинта выпал,
А вместе с ним и книга на века.
А по-другому и не бывает,
Из настоящей своей беды
Выходят сказки, в которых тает
Чужое горе, как будто льды.



А он напишет про все на свете,
Про совпадения из наших снов,
И мы поверим, совсем как дети,
Как в наважденье, в порядок слов.
Запахнет морем и эвкалиптом,
Густым настоем индейских трав,
Ах, как же сладко читать запоем,
Покой за это и сон отдав.»

Олег Митяев

Однако сэр Томас Стивенсон считал сочинительство сына глупой блажью. Он мечтал, что Льюис продолжит семейную традицию и станет строителем или смотрителем морских маяков.

Льюис покорился воле родителя и поступил на инженерный факультет Эдинбургского университета. Но быстро возненавидел университет, а вместе с ним и отца. С инженерного ему удалось перевестись на юридический факультет, но в итоге и от почтенной профессии адвоката осталась только парадная фотография в мантии и парике.



По окончании университета Льюис свалился с лихорадкой, ревматизмом и плевритом. «А побольше болячек вы не смогли собрать?»— ехидно поинтересовался сэр Эндрю Кларк, светило лондонской медицины, и потребовал, чтобы пациент немедленно отправился на юг Франции, где для него более подходящий климат, и желательно без родителей, поскольку глухая взаимная неприязнь в семье только усугубляет болезнь.

«Внешне Льюис Стивенсон казался воплощением легкомыслия и ветрености, но внутри он был кремень».

«Эдинбург жестоко платит за привилегию иметь самый отвратительный климат на свете», – писал он, и мы мучаемся вместе с автором от дождя и ветра, от «холодных морских туманов, ползущих с востока», от «сырой и ветреной зимы», от «неустойчивого холодного» лета и «форменного метеорологического ада вместо весны», от «ненастных дней и бесконечного сражения с ветром».

Только бесчувственные люди безразличны к климату и погоде, и человек со столь впечатлительной душой, столь немогущий и хрупкий, должно быть, действительно очень страдал.



Во Франции, продвигаясь по незнакомым местам от Дувра до Ментони, Стивенсон начал писать первые путевые очерки. Он оказался замечательным путешественником, у которого имелся острый глаз и талант сходиться с людьми. В 1873 году Стивенсон юношескими путевыми заметками начал перечень своих публикаций.

С этого времени и до самой смерти он ежегодно публиковал хотя бы одно новое произведение.

Жизнь во Франции была для Стивенсона счастьем. Среди многих его увлечений этого периода следует назвать средневековую поэзию.

Вернувшись домой после длительного лечения, Стивенсон довольно скоро даже перестал делать вид, будто занимается адвокатской практикой. С тех пор смыслом его жизни стала литературная деятельность.



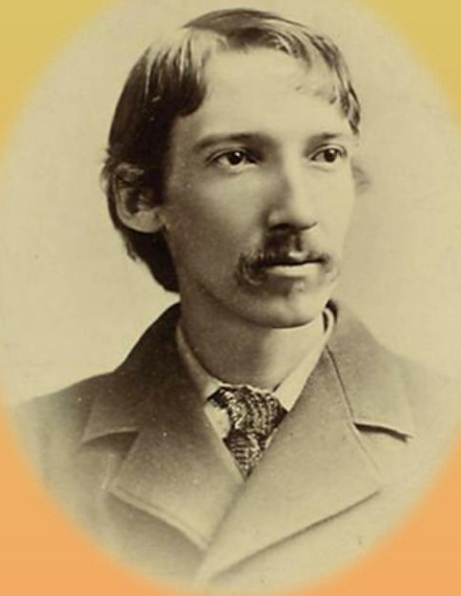
В 1876 в жизни Стивенсона появилась Фэнни Озборн. Когда они встретились, ей было 36 лет. Она жила с детьми отдельно от мужа.

Ее дочке Белл на то время исполнилось семнадцать (в последние годы жизни Стивенсона она станет верным помощником и секретарем писателя), а сын был школьником (Ллойд Озборну суждено стать для Стивенсона другом забав и первым слушателем многих его книг).



Стивенсону тогда было 26 лет. Он предложил Фэнни получить развод и выйти за него замуж.

Сначала родители, чтобы помешать этому браку, лишили сына материальной поддержки. Но они недооценили силу его чувств и забыли про «кремень» его характера.



Ради Фенни Стивенсон пересек в корабельном трюме океан, преодолел двухнедельное путешествие в американском поезде без спального вагона. Больной, измученный, он появился перед Фэнни неожиданно для нее самой, поставив женщину в весьма затруднительное положение. Он претерпел лишения и нищету, обострение туберкулеза. В мае 1880 года их брак зарегистрировали в мэрии Сан-Франциско.

В августе 1880-го сэр Томас Стивенсон с супругой встречали на столичном вокзале свое блудное чадо. Всю дорогу, пока добирались из Эдинбурга до Лондона, мать нервно теребила в руках кружевной платочек,

а сэр Томас скрипел зубами, представляя этакую развязную особу с модной пахитоской в зубах, готовую в любой миг сплясать канкан прямо на столе. Ну как еще может выглядеть дикая американка, с которой Льюис познакомился в развратном Париже?





Однако, к удивлению родителей, новоявленная сноха оказалась невысокой милой леди с ясным взглядом и приятной улыбкой.

Фэнни была американкой, волевой, умной и «практической» женщиной. Благодаря ее усилиям, в конце концов, произошло окончательное примирение Стивенсона с отцом.

Отец назначил им хоть и скромное, но достаточное для пропитания содержание, а весной 1885 семья поселилась в доме, подаренном Фэнни Томасом Стивенсоном. Свой новый дом сын в знак благодарности к отцу назвал «Скерривор».

Стивенсон неумоимо и очень много работал, одна за другой выходили его книги. Даже прикованный к постели после очередного горлового кровотечения, он не оставлял литературного дела. Несмотря на то что здоровье Стивенсона находилось в критическом состоянии, его произведения оставались яркими, полными оптимизма и имели большой успех у читателей.

Смерть отца позволила писателю изменить свою жизнь. Сначала он с семьей переехал в Америку, нанял яхту «Каско» и в течение семи месяцев плавал в Южных морях. Морские странствия вернули Стивенсона к жизни, он снова преисполнился сил, мог общаться с людьми, грести, ездить верхом, прорубать дорогу в зарослях.



Жизнь казалась ему волшебной сказкой.

В Южных морях бесились ужасающие штормы и шквалы, а плавание между островами было весьма опасным... Но опыт показал, что только живя вблизи экватора, Стивенсон чувствует себя хорошо.

Поэтому он решил купить участок земли, и его выбор пал на Ваилиму («Пять рек»). Так до конца своих дней Стивенсон остался жить среди туземцев, на острове Уполу, одном из островов Самоа.



Он изучал местный фольклор, дружил с местными жителями, участвовал в их жизни, с удовольствием ездил верхом и много работал не только за письменным столом, но и физически.

Еще при жизни Стивенсон стал легендой. На острова Океании, где жил писатель, отправлялись толпы паломников. В его доме подолгу гостили друзья. В торжественных случаях прислуга Стивенсона появлялась в раскрашенных королевскими цветами повязках на бедрах.



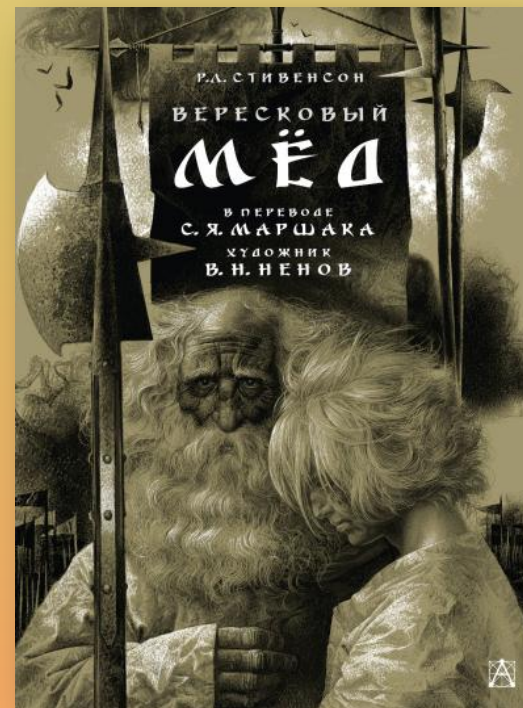
Стивенсон общался с местным населением, изучил язык самоанцев. Он не раз отсылал в лондонские газеты статьи в защиту местных жителей от жестоких колонизаторов, чем снискал славу национального героя Самоа. До сих пор его именем здесь называют все – гостиницы и улицы, рестораны и кафе.

На острове были написаны лучшие его произведения – "Остров сокровищ", "Странная история доктора Джекила и мистера Хайда", "Похищенный", "Владелец Баллантрэ". Его "Берег Фалеза" – один из лучших рассказов, когда-либо написанных о Южных морях.

Стивенсон был известен и как поэт (сборники "Детский цветник стихов", 1885; "Баллады", 1890), самая известная баллада – "Вересковый мёд" в переводе С. Маршака.

Мы помним с самого детства:

«Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино...»



Стивенсон гармонично сплетает лиризм повествования с трагизмом фабулы, рождая жесткую и очень красивую легенду шотландских гор.

«...Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.
А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!»



Маршаку удалось практически невозможное – в его переводах чужие иноязычные тексты зазвучали по-настоящему русскими, не потеряв при этом авторского своеобразия.

Стивенсон создал вокруг себя приключенческий мир, а его жизнь только усиливала впечатление от написанных им книг. Сага жизни Стивенсона была как бы приложением к его произведениям.

Туземцы почитали Стивенсона и называли Туситалою, то есть Певцом.

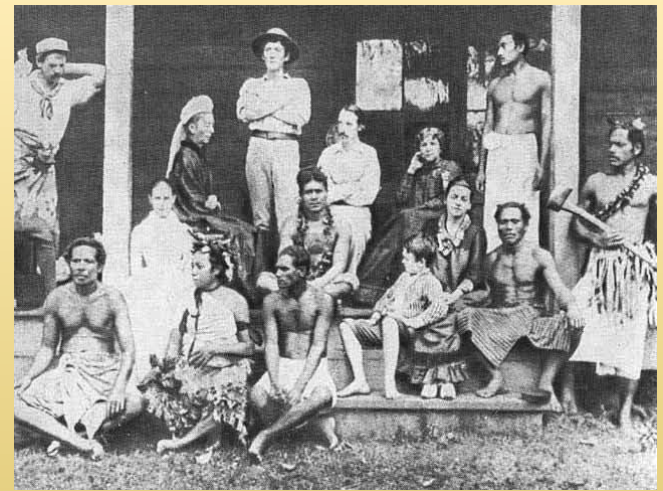
13 ноября 1894 Стивенсону исполнилось 44 года, по этому случаю на острове состоялся праздник. А 3 декабря Стивенсон умер от кровоизлияния в мозг.

Шестьдесят самоанцев отнесли гроб писателя на вершину горы Ваеа, где тот хотел покоемся.

Чтобы выполнить последнюю волю Туситалы, пришлось собрать совет вождей: гора заросла лесом, и пути на вершину не было. По решению вождей сотни туземцев в полном молчании, сверкая потными телами, яростно прорубали путь сквозь непроходимую чащу. Это был их последний долг, отданный Туситале...

Через 20 лет, в 1915 году прах Фанни был перенесен из Калифорнии на гору Ваеа.

На надгробии Стивенсона, согласно его завещанию, выбито стихотворение поэта «Реквием»:



Requiem

Under the wide and starry sky,
Dig the grave and let me lie.
Glad did I live and gladly die,
And I laid me down with a will.

This be the verse you grave for me:
Here he lies where he longed to be;
Home is the sailor, home from the sea,
And the hunter home from the hill.

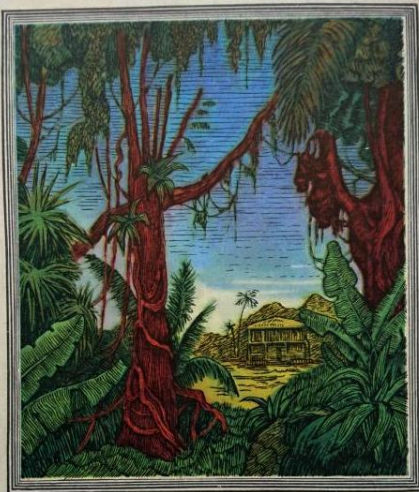


Реквием

Под небом просторным, в подлунном краю
Меня положите в могилу мою.
С улыбкою жил – и в последний приют
С улыбкой сойти я готов.

Камень могильной покройте строкой:
"Вот он покоен, искавший покой –
Моряк возвратился с моря домой,
И охотник вернулся с холмов..."





ЖИЗНЬ НА САМОА



«Мне очень трудно представить себе, что человек может предпочесть существование, заполненное только церемонными визитами, да обязательными воскресными посещениями церкви, после которых съедают заказанный обед и ложатся вздремнуть, этой райской жизни на вольном воздухе, где чувствуешь себя настолько близко к небесам, что неверие почти невозможно».

«Лучшие вещи находятся рядом: дыхание в ноздрях, свет в глазах, цветы под ногами, заботы в руках, дорога перед тобой. Имея это, не нужно черпать пригоршней звезды. Просто делай то, что предлагает тебе жизнь».

Роберт Льюис Стивенсон

